

Гюлбанкян Арам Артурович

аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
aram.gyulbankyan@inbox.ru

Aram A. Giulbankian

postgraduate student Departments of Criminal
Law and Criminology
Kuban State University
aram.gyulbankyan@inbox.ru

**Преступление, которое не охватывается умыслом соучастников:
проблемы интерпретации ст. 36 УК РФ**

**A crime that is not covered by the intent of the accomplices:
problems of interpretation of Art. 36 of the Criminal Code
of the Russian Federation**

Аннотация. На основании анализа и обобщения правоприменительной практики, изучения и критического осмысления различных теоретических подходов в статье предпринята попытка определить содержание единого умысла соучастников и установить, в каком случае возникают основания для применения нормы об эксцессе исполнителя (ст. 36 УК РФ).

В результате проведенного исследования автор констатирует, что соучастники совершают одно общее, единое для всех них преступление, что соответствует трактовке соучастия как специфической формы социального взаимодействия. Именно это общее для всех преступление является предметом единого умысла соучастников, именно по отношению к нему проявляется интеллектуальный и волевой компоненты умышленной вины соучастников.

Общность преступления для всех соучастников определяется как объективными критериями (через вклад каждого из них в его совершение), так и субъективным отношением соучастников к этому совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». При этом преступление воспринимается соучастниками как «свое» в результате соглашения о его совместном совершении и в рамках этого соглашения. Деяние, выходящее за эти рамки, становится для соучастника субъективно «чужим», даже если соучастник допускал возможность его совершения.

В содержательном плане единство умысла соучастников на совершение совместного преступления лимитируется пределами их сговора. Иными словами, деяние исполнителя можно расценивать как охватывающееся умыслом других соисполнителей или иных соучастников, если оно «укладывается» в рамки соглашения соучастников о совместном совершении преступления. Соответственно, если исполнитель вышел за пределы состоявшегося

сговора, необходимо признать, что такое деяние не охватывается умыслом соучастников.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, соучастие в преступлении, единство умысла соучастников.

Annotation. Based on the analysis and generalization of law enforcement practice, the study and critical understanding of various theoretical approaches, the article attempts to determine the content of the common intent of the accomplices and to establish in which case there are grounds for applying the rule of excess of the performer (Article 36 of the Criminal Code of the Russian Federation).

As a result of the study, the author states that the co-participants commit one common crime, the same for all of them, which corresponds to the interpretation of complicity as a specific form of social interaction. It is this crime common to all that is the subject of a single intent of the accomplices, it is in relation to it that the intellectual and volitional components of the deliberate guilt of the accomplices are manifested.

The commonality of a crime for all accomplices is determined both by objective criteria (through the contribution of each of them to its commission), and by the subjective attitude of the accomplices to this jointly committed criminal act as "their own". In this case, the crime is perceived by the accomplices as "their own" as a result of an agreement on its joint commission and within the framework of this agreement. An act that goes beyond these limits becomes subjectively "alien" for the accomplice, even if the accomplice admitted the possibility of its commission.

In terms of content, the unity of intent of the accomplices to commit a joint crime is limited by the limits of their conspiracy. In other words, the act of the perpetrator can be regarded as embraced by the intent of other co-perpetrators or other accomplices, if it "fits" into the framework of the agreement of the accomplices on the joint commission of the crime. Responsibly, if the performer went beyond the limits of the conspiracy, it must be admitted that such an act is not covered by the intent of the accomplices.

Key words: excess of the perpetrator of the crime, complicity in the crime, unity of intent of the accomplices.

Согласно ст. 36 УК РФ, эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат.

Слово «*excessus*» переводится с латинского языка как выход, отступление, уклонение. Все эти значения довольно точно отражают сущность рассматриваемого уголовно-правового феномена, которая заключается в выходе исполнителя преступления за рамки единого умысла соучастников, отступление от соглашения, достигнутого соучастниками, превышение пределов того преступного результата, к которому стремились соучастники, что проявляется в объективной действительности в совершении исполнителем (а

иногда и иным соучастником) преступного деяния, которое не охватывается умыслом других соучастников.

Как отмечается в уголовно-правовой литературе, «эксцесс исполнителя устанавливается путем соотнесения совершенного им преступного деяния с содержанием умысла соучастников, т.е., посредством сравнения признаков фактически исполненного преступления с совместными преступными планами соучастников, с той интеллектуальной «моделью» совместного преступления, которая была разработана в результате соглашения соучастников»[1]. Иными словами, чтобы констатировать эксцесс исполнителя, необходимо вначале установить содержание единого умысла соучастников, пределы их преступного соглашения, а затем решить, состоялся ли выход за эти пределы или нет.

Надо признать, что установление содержания умысла соучастников и границ преступного соглашения между ними – это довольно непростая задача.

Во-первых, как показывает практика, соучастники нередко действуют с неконкретизированным, а точнее, относительно-определенным умыслом, не имея четкого представления о параметрах совместно совершаемого преступления. Например, в результате сговора соучастники поставили единую преступную цель, допустим, похитить имущество у потерпевшего, но не определили конкретные способы достижения этой цели. Для констатации единого умысла на хищение этого вполне достаточно, но при этом неконкретность достигнутого соглашения, его инструментальная неопределенность допускают широкую вариативность субъективных представлений о реализации преступного замысла.

Во-вторых, соучастники могут по-разному воспринимать и интерпретировать достигнутую договоренность о совершении преступления, что в принципе характерно для любых форм социального взаимодействия. Например, один подстрекатель предвидит и допускает возможность совершения исполнителем более тяжкого преступления, а другой нет.

Подобные разночтения затрудняют установление содержания единого умысла соучастников, что закономерным образом отражается и на уголовно-правовой оценке преступных действий, которые явно или неявно отклоняются от него.

Четкие и понятные критерии, позволяющие определить «охват», т.е., пределы умысла соучастников для целей ст. 36 УК РФ, ни в теории уголовного права, ни в правоприменительной практике не выработаны. «Зона согласия» здесь довольно узкая – все специалисты солидарны в том, что ст. 36 УК РФ подлежит применению при выходе за пределы конкретизированного умысла соучастников[2]. Правоприменительные органы не испытывают особых затруднений при уголовно-правовой оценке подобных ситуаций, уверенно констатируя, что исполнитель совершил преступление, которое не охватывается конкретизированным умыслом иных соучастников. Показательным в этом плане можно считать случай, когда соучастниками были четко согласованы и оговорены пределы применяемого насилия, а исполнитель

применил более интенсивное насилие и причинил более тяжкий вред здоровью[3]. В другом случае, в процессе преступного сговора на совершение хищения один из трех соисполнителей просил двух других не убивать потерпевшую, с чем они согласились, однако, несмотря на это, в процессе хищения они совершили убийство[4]. Наличие эксцесса исполнителя преступления в этих ситуациях не вызывает сомнений.

Если же параметры планируемого совместного преступления четко не оговорены (а это весьма типичная ситуация), то границы единого умысла соучастников и, связанная с этими границами, возможность применения положений ст. 36 УК РФ оцениваются судами крайне неоднозначно.

В одних случаях, суды констатируют эксцесс исполнителя на том основании, что совершенное исполнителем преступное деяние совершено при отсутствии у иных соучастников осведомленности о его совершении[5] или знания о намерении исполнителя совершить более тяжкое преступление[6], договоренности на совершение соответствующего преступного деяния[7]. Здесь, суды определяют границы единого умысла соучастников достаточно узко, что закономерно расширяет возможности для применения ст. 36 УК РФ.

В других ситуациях, суды трактуют пределы единого умысла соучастников намного более широко, полагая, что совершенное исполнителем преступное деяние, которое допускалось иными соучастниками как возможное, полностью охватывается их умыслом. Иными словами, суды считают, что, если соучастник допускал возможность совершения исполнителем более тяжкого преступления, предполагал подобное развитие событий, то такое преступление охватывается умыслом соучастника, что исключает эксцесс.

Этот подход наглядно иллюстрирует следующее решение высшей судебной инстанции (его ключевые позиции выделены курсивом): «Согласно приговору, осужденные Лежнев, Яганычева, Федорова и Пынтя, имея изначально умысел на тайное хищение имущества потерпевшей, *допускали совершение хищения денежных средств открытым способом*, вследствие чего действия Яганычевой, Пынтя и Федоровой по похищению имущества Б. обоснованно квалифицированы судом по п. "в" ч. 2 ст. 162 УК РФ, а действия Федоровой – дополнительно по ч. 3 ст. 33 УК РФ как организатора данного преступления. Яганычева, Пынтя и Федорова насилием, опасным для жизни и здоровья, к потерпевшей не применяли и *не предполагали о применении Лежневым такого насилия* в отношении потерпевшей. Приговором суда установлено, что телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья, потерпевшей причинил только Лежнев, без договоренности с остальными соучастниками хищения, т.е., допустил эксцесс исполнителя. На этом основании, суд правильно квалифицировал его действия по п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ... . Действия Лежнева, связанные с лишением жизни потерпевшей Б. суд верно квалифицировал как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, сопряженное с разбоем»[8].

Суть процитированного решения такова – для того, чтобы вменить организатору, имеющему умысел на кражу (Федоровой), соучастие в разбое,

достаточно допущения им возможности совершения исполнителем открытого хищения чужого имущества. И наоборот – совершенное исполнителем убийство расценивается как эксцесс, поскольку иные соучастники не предполагали возможность совершения этого преступления.

Нетрудно заметить, что при столь широкой трактовке пределов единого умысла соучастников применение ст. 36 УК РФ становится возможным лишь в случаях, когда соучастник не только не имел договоренности на совершение исполнителем более тяжкого или дополнительного преступления, но и даже не допускал возможности его совершения. Соответственно, по этой логике допущение возможности совершения более тяжкого или дополнительного преступления исключает признание этого преступления эксцессным деянием.

Широкая трактовка пределов единого умысла соучастников находит поддержку и в уголовно-правовой науке. В частности, Г.А. Есаков пишет: «Представляется, что в связи с конструкцией "охват умыслом" можно сформулировать общее правило квалификации, сводящееся к тому, что преступление следует считать охваченным при эксцессе умыслом иного соучастника, ... когда совершение иного преступления допускается, мыслится как неисключенное». Развивая свою мысль, он указывает на то, что «Верховный Суд РФ и нижестоящие суды последовательно высказываются о том, что допущение возможности совершения иного преступления, предположение о таковой возможности достаточны для отказа от применения ст. 36 УК РФ. Соучастник, допуская совершение другого преступления, тем самым, формирует интеллектуальный элемент умысла и, продолжая участвовать избранным способом в совершении преступления, выказывает свое желание (волевой элемент) совершить другое преступление (иначе: не желаешь – не действуй). При этом соучастнику нет необходимости знать в деталях о совершаемом преступлении; достаточно общего представления о том, какое это преступление. Напротив, допущение возможности совершения любого иного преступления недостаточно для целей ... ст. 36 УК РФ»[9].

Подобная трактовка «охвата умыслом» соучастников резко ограничивает сферу применения ст. 36 УК РФ, позволяя констатировать эксцесс исполнителя лишь в крайне редких случаях. Это, кстати, прекрасно понимает и Г.А. Есаков: «Пожалуй, только прямой запрет совершать какое-то иное преступление или четкая договоренность о пределах применяемого насилия ... допускают применение ст. 36 УК РФ. Такой достаточно строгий подход к соучастникам может быть обоснован интересами ... снижения уровня криминального насилия через как бы не прямое предложение соучастникам минимизировать характер и степень общественной опасности совершаемого деяния всеми доступными методами»[10].

Прежде, чем оценивать эти теоретические рекомендации, следует подчеркнуть принципиально важное обстоятельство – в силу тесной взаимосвязи эксцесса и соучастия в преступлении границы того, что охватывается или не охватывается умыслом соучастников в контексте ст. 36 УК РФ, должны определяться содержанием субъективных признаков соучастия. Иными сло-

вами, понять, в каких случаях деяние исполнителя не охватывается умыслом соучастников, можно только при условии предварительного установления предмета, содержания и пределов этого умысла.

При этом нужно четко понимать следующее принципиальное обстоятельство, на котором основывается учение о соучастии и правила его уголовно-правовой оценки: соучастники совершают *одно общее, единое для всех них преступление*, что соответствует трактовке соучастия как специфической формы социального взаимодействия[11]. Именно это общее для всех преступление является предметом единого умысла соучастников, именно по отношению к нему проявляется интеллектуальный и волевой компоненты умысленной вины соучастников.

Общность преступления для всех соучастников определяется как объективными критериями (через вклад каждого из них в его совершение), так и субъективным отношением соучастников к этому совместно совершаемому преступному деянию как к «своему». При этом преступление воспринимается соучастниками как «свое» в результате соглашения о его совместном совершении и в рамках этого соглашения. Деяние, выходящее за эти рамки, становится для соучастника субъективно «чужим», даже если соучастник допускал возможность его совершения.

Таким образом, в содержательном плане единство умысла соучастников на совершение совместного преступления лимитируется пределами их сговора[12]. Это обстоятельство неоднократно подчеркивается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Так, в абз. 2 п. 14.1 постановления Пленума от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что «в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилем либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками».

Из процитированного разъяснения следует, что при наличии предварительного сговора сфера охвата умысла ограничена пределами состоявшейся договоренности. Пленум четко указывает, что если при наличии сговора на кражу соисполнитель не присоединился к эксцессу, допущенному другим соисполнителем, то он не может нести ответственность за грабеж или разбой. Не может потому, что он сговорился именно на совершение кражи и не вышел вслед за другим соисполнителем за пределы этой договоренности. Допускал ли он при этом возможность совершения другим соисполнителем более тяжкого преступления (грабежа или разбоя) либо не допускал такой возможности – это обстоятельство, с точки зрения Пленума, на квалификацию

его действий не влияет. Тем более, не влияет это обстоятельство на уголовно-правовую оценку действий организатора, подстрекателя, пособника.

В том же постановлении Пленума содержатся указания (пусть и недостаточно четкие) на то, что соисполнитель может нести ответственность за действия другого соисполнителя лишь при условии предварительного сговора на совершение этих действий. Только в этом случае можно считать, что они охватываются единым умыслом соисполнителей. В частности, в п. 14 разъясняется, что «если применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, охватывалось умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц *по предварительному сговору*, все участники совершенного преступления несут ответственность по части второй статьи 162 УК РФ как соисполнители и в том случае, когда оружие и другие предметы были применены одним из них». Аналогичное правило зафиксировано и в абз. 1 п. 14.1: «Если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц *по предварительному сговору*, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, действия всех участников группы следует квалифицировать по пункту "в" части четвертой статьи 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также по части четвертой статьи 111 или пункту "з" части второй статьи 105 УК РФ соответственно».

Таким образом, можно заключить, что охват умысла – это его интеллектуальная характеристика, относящаяся к осознанию предмета криминального взаимодействия. Интеллектуальный момент единого умысла соучастников заключается в осознании того, какое преступление они совершают совместными усилиями, его видовых признаков.

При этом деяние исполнителя можно расценивать как охватывающееся умыслом других соисполнителей или иных соучастников, если оно «укладывается» в рамки соглашения соучастников о совместном совершении преступления. Соответственно, если исполнитель вышел за пределы состоявшегося сговора, необходимо признать, что такое деяние не охватывается умыслом соучастников. Сказанное относится не только соучастию, сформировавшемуся на основе предварительного сговора, но и к ситуациям, когда сговор достигнут в процессе исполнения объективной стороны преступления (например, в случае присоединения соучастников).

Что же касается волевого отношения соучастников к совместно совершаемому единому преступному деянию, то оно может иметь довольно широкий диапазон – от желания его совершения, до сознательного допущения или безразличного к нему отношения.

Изложенный подход к трактовке единого умысла соучастников требует корректировки правоприменительной практики применения, а точнее, неприменения ст. 36 УК РФ. Необходимо отказаться от широкого толкования

сферы охвата умысла соучастников, основанного на концепции допущения возможности совершения более тяжкого или дополнительного преступления, что позволит реализовать требования субъективного вменения и согласовать толкование ст. 36 УК РФ с теоретическими постулатами учения о соучастии в преступлении.

Литература:

1. Капинус О.С., Ображиев К.В. Экссесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 42.
2. См.: Капинус О.С., Ображиев К.В. Экссесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 44-45; Есаков Г.А. Умысел в соучастии (экссесс исполнителя и ответственность организатора) // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 35-36.
3. См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 29.06.2017 № 10-9352/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.04.2013 № 208-О13-1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Московского городского суда от 27.06.2011 № 22-8258 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2009 № 74-О09-1 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.10.2015 № 10-13441 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление президиума Московского областного суда от 25.01.2012 № 44у-286/12 // СПС «КонсультантПлюс».
8. ¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 56-О11-39 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Есаков Г.А. Умысел в соучастии (экссесс исполнителя и ответственность организатора) // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 32-36.
10. Есаков Г.А. Умысел в соучастии (экссесс исполнителя и ответственность организатора) // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 32-36.
11. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 22. В науке справедливо отмечается, что «феномен, который призван описать институт соучастия, представляет собой лишь тот факт совершения несколькими лицами одного преступного деяния, который может быть охарактеризован с использованием таких категорий, как "общая деятельность", "совместное совершение", "коллективное взаимодействие"» (см.: Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина: Монография. – М.: РГУП, 2019. – С. 15).
12. Ображиев К.В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 4. – С. 4-13.

Literature:

1. *Kapinus O. S., K. V. Obrazie excessive act and other accomplices to the crime: the problems of civil and Criminal law.* – 2018. – No. 2. – S. 42.

2. *See: Kapinus O. S., K. V. Obrazie excessive act and other accomplices to the crime: the problems of civil and Criminal law.* – 2018. – No. 2. – S. 44-45; of *Isakov G. A. Intent Association (excessive act and responsibility of the organizer) // Criminal law.* – 2018. – No. 2. – S. 35-36.

3. *Cm., for example: the appellate decision of the Moscow city court on 29.06.2017 No. 10-9352/2017 // ATP "Consultant".*

4. *The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.04.2013 No. 208-A13-1 // SPS "Konsultantplyus".*

5. *The appeal decision Mosk
ovskogo city court 27.06.2011 № 22-8258 // SPS "Konsultantplyus".*

6. *The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.04.2009 No. 74-O09-1 // SPS "Konsultantplyus".*

7. *The appellate decision of the Moscow city court 06.10.2015 No. 10-13441 // ATP "Consultant"; decree of the Presidium of the Moscow about-chastnogo court dated 25.01.2012 No. 44u-286/12 // SPS "Konsultantplyus".*

8. *The appeal decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.06.2011 No. 56-A11-39 // SPS "Konsultantplyus".*

9. *Isakov G. A. Intent Association (excessive act and responsibility of the organizer) // Criminal law.* – 2018. – No. 2. – P. 32-36.

10. *Isakov G. A. Intent Association (excessive act and responsibility of the organizer) // Criminal law.* – 2018. – No. 2. – P. 32-36.

11. *Arutyunov A. A. Complicity in a crime under the criminal law of the Russian Federation: Abstract. dis. ... cand. jurid. In science, it is rightly noted that "the phenomenon that is intended to describe the institution of complicity is only the fact that several persons commit one criminal act, which can be characterized using such categories as "common activity", "joint commission", "collective interaction"" (see: *Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing / Edited by Y.E. Pudovochkin: Monograph.* - M.:RSUP, 2019. - p. 15).*

12. *Obrazhiev K.V. Problems of establishing the form of complicity in the qualification of group crimes // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.* - 2017. - No. 4. - pp. 4-13.